ДИАЛЕКТИКА "ОХРАНЕНИЯ" КУЛЬТУРЫ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ФИЛОСОФИИ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

В.А. Ермаков

"Не существует предсказаний, кем бы они ни делались, от Нострадамуса до Мадзини, от Маркса до Ницше, Герцена и Бакунина, которые предсказали бы будущее с конкретностью и точностью хотя бы приближающимися к леонтьевским"[1]. Пророческий пафос творчества К.Н. Леонтьева (1831–1891) – видного русского философа, писателя, публициста, дипломата – подчеркивался как его первыми исследователями, так и современными. Например, для Л.А. Тихомирова Леонтьев был «человеком, разгадавшим подлинное культурное строение, архитектонику "русского самосознания", его историко-генетический код»; "именно он первый, – утверждал в "Русском вестнике" В.В. Розанов, – понял смысл исторического движения в XIX веке, преодолел впервые понятие прогресса... указал иное, чем какое до сих пор считалось истинным, мерило добра и зла в истории"[2]; "все писанное им о славянах Балканского полуострова, – замечал Г.И. Замараев, – подтвердилось до мельчайших подробностей"[3]. Леонтьев, по мысли Н.А. Бердяева, «задолго до Шпенглера понял роковой переход "культуры" в "цивилизацию"»[4]; "он пророчески чувствовал, что надвигается мировая социальная революция"; "предвидел, что либерализм неизбежно должен привести к социализму"; "он предсказывает появление фашизма"[5].

Современный исследователь А.А. Корольков в своей книге "Пророчества Константина Леонтьева" выделяет целый ряд культурфилософских проблем, у истоков углубленного понимания которых стоял мыслитель. Так, подчеркивая "редкий дар эволюционного прогнозирования" философа, Корольков отмечает, что Леонтьев был "предтечей системного движения"; "фактически поставил экологическую проблему"[6]; "чувствовал приближение массовой культуры и нарастание отчуждения с развитием цивилизации"[7]; являлся предшественником теорий онтогенеза, в частности теории Л.Н. Гумилева; стоял у истоков рождения новой отрасли науки – "социальной психологии". Аналогичные оценки идей и мыслей К. Леонтьева мы встречаем в наиболее полном исследовании последних лет К.М. Долгова: "Изображение народной

---

[1] *Gasparini E.* Scritori Russi. Padova, 1966. P. 678.

[2] Цит. по: *Янов А.Л.* Трагедия великого мыслителя // Вопр. философии. 1992. № 1. С. 86.

[3] *Замараев Г.И.* Памяти К.Н. Леонтьева // К.Н. Леонтьев: pro et contra. СПб., 1995. Кн. 1. С. 200.

[4] *Бердяев Н.А.* Константин Леонтьев: Очерк из истории русской религиозной мысли // К.Н. Леонтьев: pro et contra. СПб., 1995. Кн. 2. С. 176.

[5] Там же. С. 93–95.

[6] *Корольков А.А.* Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991. С. 27.

[7] Там же. С. 40.

жизни у Леонтьева является одновременно выражением и изображением народной социальной психологии. И в этом смысле он опережал свое время и современную ему науку"[8].

Перечень подобных предвосхищений, пророчеств и достижений леонтьевской мысли можно было бы продолжить на многих страницах, также как можно привести весьма критические оценки исследователей. Например, того же Н.А. Бердяева, который считал, что творчество Леонтьева "выражает обратный полюс тому, на котором формировалась русская идея"[9]; что у Леонтьева был "монофизитский уклон"; что его философия, в целом, стоит в стороне от "столбовой дороги" мировой философской мысли; что он "не может и не должен быть нашим учителем", заметим, при всей безусловно признаваемой гениальности и исторической адекватности его пророчеств. Аналогичную бердяевской двойственность оценок творчества Леонтьева (когда леонтьевские пророчества признаются верными, а его философия, из которой, собственно, эти пророчества выводятся, оценивается как не совпадающая с сущностью христианства, гуманизма, с позитивным решением эмпирических задач "благоустроения" жизни и развития культуры) можно встретить у С.Н. Трубецкого, Л.Н. Тихомирова, С.Н. Булгакова, К.М. Аггеева и др. первых его исследователей. С.Н. Трубецкой отмечал, что в политическом отношении "события последних лет оправдали Леонтьева"[10], но, в общем виде, он отрицает леонтьевскую философию как праведную, подчеркивая ее антихристианское содержание: "Исказив христианское представление о страхе Божием, Леонтьев извращает и самую основную истину христианской этики – учение о любви, которому он противополагает теорию о радикальном зле в человеческой природе"[11]. Подобную критику взглядов К.Н. Леонтьева мы встречаем и у С.Н. Булгакова: "Леонтьев дерзает стать по ту сторону человеческого добра и зла"; "различие между добром и злом поглощается для него в противоположности красоты и безобразия"[12]. Эстетизм Леонтьева, с точки зрения Булгакова, "есть тончайшее и предельное выражение безбожного гуманизма"[13]. Вместе с опровержением леонтьевского ви́дения христианства многие критики доходили и до полного отрицания значимости личности и философии мыслителя. Это хорошо видно на примере книги Ф.Ф. Куклярского "Осужденный мир: Философия человекоборческой природы" (СПб., 1912), где одна из глав называется "К. Леонтьев и Фр. Ницше как предатели человека". Леонтьева Куклярский называет "сатанистом, надевшим на себя христианское обличие". Аморализм Леонтьева он видит в направленности его мысли

---

[8] *Долгов К.М.* Восхождение на Афон. Жизнь и миросозерцание Константина Леонтьева. М., 1997. С. 72.

[9] *Бердяев Н.А.* Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 125.

[10] *Трубецкой С.Н.* Разочарованный славянофил // К.Н. Леонтьев: pro et contra. СПб., 1995. Кн. 1. С. 141.

[11] Там же. С. 155.

[12] *Булгаков С.Н.* Победитель – Побежденный: Судьба К.Н. Леонтьева // Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1996. С. 83.

[13] Там же. С. 87.

"не на преодоление самого понятия зла, а скорее на признание прав зла как такового" и в результате приходит к выводу, что "отрицание человека... составляет основное ядро леонтьевского учения"[14].

Двойственность и неопределенность исследовательских оценок творчества К.Н. Леонтьева, в смысле признания или отрицания верности исторических предвидений мыслителя и реалистичности или утопичности его философствования, сохраняется уже более ста лет. Так, ряд современных леонтьеведов и историков русской философии и культуры, с одной стороны, подчеркивают утопичность и антиисторичность взглядов философа Л.Р. Авдеева, П.П. Гайденко, Н.А. Рабкина, А.Л. Янов, с другой – парадоксальное сочетание "консервативно-романтического утопизма с реалистическим пониманием глубинных социальных проблем"[15] К.М. Долгов, А.А. Корольков, В.И. Косик, А.И. Новиков, А.Ф. Сивак. Неоднозначность подходов к оценке творчества философа видна в самих названиях некоторых современных работ: «К.Н. Леонтьев: пророк или "одинокий мыслитель"» (Авдеева); "Константин Николаевич Леонтьев: реакционер, пророк?" (Косик).

Думается, достаточно аргументов "за" и "против", чтобы поставить вопрос, как могло получиться, что леонтьевская философия многими исследователями признается ненаучной, утопичной, исказившей христианскую догматику, отрицающей гуманистический образ человека, а с другой стороны, большинство тех же исследователей фактически признают ее пророческий характер и то, что "история оправдала" Леонтьева. Может быть, та мировоззренческая позиция, те философские подходы, на основе которых мыслил Леонтьев, более чем какие-либо другие, позволяют "заглянуть в трагедии культуры веков последующих". Для ответа на этот вопрос обратимся вначале к системе взглядов Леонтьева.

Онтологический аспект. Смысловой центр философских, религиозных и социально-политических идей К.Н. Леонтьева образует его онтологическая гипотеза "триединства процесса развития" всех наличных форм материи – природы, культуры и общества. Согласно Леонтьеву, процесс развития мира, понимаемый как "постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему", как движение к "высшей степени сложности, объединенной внутренним деспотическим единством"[16], состоит из трех строго детерминированных трансцендентным религиозным источником (Богом) периодов: 1) "первичной простоты", 2) "цветущей сложности", 3) "вторичного смесительного упрощения"[17]. Этот "триединый процесс" или "всеобщий закон развития" "свойствен не только тому миру, который зовется собственно органическим, но, может быть, и всему существующему в пространстве и времени...", он свойствен "...и жизни человеческих сообществ, государствам и целым культурам мира"[18]. Законы движения органической, неорганической и социокуль-

---

[14] *Куклярский Ф.Ф.* К. Леонтьев и Фр. Ницше как предатели человека // К.Н. Леонтьев: pro et contra. СПб., 1995. Кн. 1. С. 279.

[15] *Новиков А.И.* История русской философии X–XX веков. СПб., 1998. С. 131.

[16] *Леонтьев К.Н.* Избранное. М., 1993. С. 69.

[17] Там же. С. 75.

[18] Там же. С. 73–75.

турной форм материи, по Леонтьеву, подчинены "законам триединства", и именно в этих "законах природы, действующих в истории, он видит Бога и красоту. Он открывает божественное начало не в человеческой свободе, а в природной необходимости"[19]. Абсолютной детерминантой бытия выступает у Леонтьева "закон разнообразия в единстве", выводимый из онтологически укорененного неравенства и иерархичности бытия. Леонтьев, по мысли Бердяева, "...прозревает ту онтологическую истину, что бытие есть неравенство, а равенство есть небытие... Он религиозно верил, что сам Бог хочет неравенства, контраста, разнообразия. Стремление к равенству, к смешению, к однообразию – враждебно жизни и безбожно"[20].

Цель бытия явлений мира есть необходимое прохождение ими указанных периодов. Уклонение от трехстадиальной заданности развития есть произвольное, недопустимое нарушение "законов" бытия, которое приводит к тому, что смысл и назначение того или иного явления эмпирически не реализуется. Чтобы избежать этого нарушения необходимо процесс развития направлять в русло формально организующего "деспотизма", т.е. такого регулятивно-охранительного принципа бытия, который позволяет явлению пройти три стадии развития, а значит – раскрыть свой смысл и реализовать свое назначение. Следовательно, истина бытия сокрыта в охранении трехстадиального движения материи, которая от распада сдерживается формой, а "форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбегаться. Разрывая узы этого естественного деспотизма, явление гибнет"[21]. "Распад", "разложение" и "гибель" трансцендентно предопределены всем явлениям и процессам, происходящим в природе, культуре и обществе, но тем не менее позитивный результат бытия, следуя логике Леонтьева, наступает в тот момент, когда явление прошло все циклы развития и тем самым исполнило свою пространственно-временную миссию, т.е. состоялось, сбылось.

Таким образом, все сущее, рождаясь и умирая, "слагается из двух диаметрально противоположных процессов: 1) из процесса восходящего развития", где выделение, обособление, разграничение какого-либо предмета, явления от других есть движение к "цветению", "плодоношению", или к тому, что рождает новое качество, ибо только "высшая степень сложности", высшее напряжение материально-конструктивного единства объектов мира дает возможность создавать особые, оригинальные, самобытные формы бытия; "2) из процесса нисходящего развития, в котором все вторично смешивается, смешиваясь, сливается и становится однородным"[22], теряя все более и более сложность, оригинальность на пути к исчезновению в небытие.

Итак, очевидность того, что система бытия сконструирована таким образом, что все процессы, происходящие в ней, делятся на "фазу сложе-

---

[19] *Бердяев Н.А.* Константин Леонтьев: Очерк из истории русской религиозной мысли. С. 74.

[20] Там же. С. 74.

[21] *Леонтьев К.Н.* Избранное. С. 75.

[22] *Розанов В.В.* Эстетическое понимание истории // К.Н. Леонтьев: pro et contra. СПб., 1995. Кн. 1. С. 40.

ния и фазу разложения", не вызывает никакого сомнения и не противоречит данным науки. Так же очевидно и то, что система бытия базируется на организационно-охранительных основаниях, которые, сохраняя перманентность процессов борьбы противоположных сил, не позволяют ликвидировать противоречие как источник жизни. "Органическая природа, – делает Леонтьев собственный естественнонаучный вывод, – живет разнообразием, антагонизмом и борьбой; она в этом антагонизме обретает единство и гармонию, а не в плоском унисоне..."[23]; "...нам есть указание в природе, которая обожает разнообразие, пышность форм; наша жизнь по ее примеру должна быть сложна, богата"[24]. Сама возможность бытия требует сохранения разнообразия и борьбы посредством организационно-охранительных форм, где "организация... выражается разнообразием в единстве..."[25], т.е. разнообразие, борьба и организация диалектически связаны, первичны и неустранимы из системы бытия.

Леонтьев "в своем предвиденье высоком", безусловно, оказался прав. Диалектика охранения заложена в самой сути бытия. Охранение есть необходимо условие воспроизводства жизни. Поэтому эмпирическая реализация методологии охранения есть онтологическая необходимость. Методология охранения сознательно, или бессознательно используется на всех уровнях развития биологических форм жизни. Система охранения не отрицает процесс развития. Степень, мера, соотношение охранительных структур определяет динамику как природных, так и социокультурных процессов, так как сама возможность жизни в первую очередь предполагает наличие созидательно-охранительных начал бытия. Леонтьева в прямом смысле можно назвать философом-диалектиком охранения жизни, ибо "если мы спросим себя... в чем лежит главная забота писателя... то должны будем ответить: в сохранении жизни, в чувстве влечения к ней как величайшей красоте природы"[26].

Леонтьев обосновал систему бытия на основе взаимодействия таких онтологических начал, как: 1) "неравенство", 2) "иерархия", 3) "своеобразие", 4) "разнообразие", 5) "усложнение", 6) "борьба", 7) "организация", 8) "форма", 9) "красота", 10) "сила", без которых любой процесс, любая система не может существовать. В самом деле, если допустить противоположное: всеохватывающее равенство и однообразие, отсутствие борьбы и дезорганизацию, бесформенность и упрощение, потерю сил, удерживающих эстетически осложненную форму, то амплитуда бытия, систем и структур жизни будет равна нулю. Жизнь нельзя выразить и зафиксировать без наличия этих начал. Эти начала субстанциональны, абсолютны, космичны и трансцендентны. Они есть универсальные начала бытия вообще и соответственно универсальные начала культуры. Только когда эти онтологические начала в процессе

---

[23] *Корольков А.А.* Указ. соч. С. 25.
[24] Цит. по: *Долгов К.М.* Указ. соч. С. 60.
[25] *Леонтьев К.Н.* Собр. соч. М., 1912. Т. 6. С. 158.
[26] *Розанов В.В.* Указ. соч. С. 121.

развития систем бытия, посредством методов охранения, побеждают противостоящие им внеонтологические, разрушительные начала "равенства", "однообразия", "упрощения", "всесмешения", "анархии", бесформенности, дезорганизации, дисгармонии, тогда происходит эстетизация бытия и окультуривание действительности, тогда действует "основной закон красоты", который "есть, как известно, разнообразие в единстве"[27], тогда космос побеждает хаос.

Леонтьев, в сущности, был философом охранения и охранителем в философии. Философия Леонтьева – это охранительная философия неравенства, основанная на выявлении действия объективно-онтологических закономерностей бытия природы, культуры и общества. Онтологизм, на наш взгляд, был основной чертой мировоззрения мыслителя и в этом отношении Леонтьев истинно русский философ, ибо "русская философия прежде всего резко и безоговорочно онтологична"[28], а диалектика охранения выступает как общефилософская методология исследования Леонтьевым универсальных взаимосвязей действительности.

К.Н. Леонтьев, наряду с К.Э. Циолковским, В.Н. Вернадским, В.Н. Муравьевым, А.Л. Чижевским, Н.Ф. Федоровым и др., входит в плеяду русских космистов. Его идеи о трехстадиальной организации бытия как космической необходимости близки идеям Н.Ф. Федорова о "регуляции природы". Если Федоров полагал, что "в регуляции... в управлении силами слепой природы и заключается то великое дело, которое должно стать общим"[29], то и Леонтьев рассматривал регуляционно-организационные процессы в системе бытия как жизненно необходимые. Леонтьеву удалось на философском языке описать признаваемую современной наукой модель расширяющейся Вселенной. Согласно современным научным взглядам в основе этой модели лежат следующие представления: 1) Вселенная развивается из одного источника; 2) "свойства Вселенной одинаковы во всех ее точках (однородность) и направлениях (изотропность)"; 3) "...во всех инерционных системах все законы сохраняются вне зависимости от того, с какими скоростями, равномерно и прямолинейно движутся эти системы друг относительно друга"[30]. У Леонтьева аналогичным образом природная и космическая реальность строятся по принципу гомогенности, где на всех уровнях бытия он видит однородные закономерности, признавая при этом гетерономность как производную функцию от гомогенного источника развития. Если Вселенная расширяется, равноудаляя и дифференцируя различные космические объекты, то и на Земле обоснованный Леонтьевым процесс "разнообразия в единстве" предполагает аналогичное расширение многополюсных, дифференцированных форм земного бытия. Если Вселенная системна, то она должна предполагать волнообразный переход от зарождения, через расцвет и угасание к смерти, а значит, описанный

---

[27] *Леонтьев К.Н.* О Владимире Соловьеве и эстетике жизни. М., 1912. С. 39–40.

[28] *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 509.

[29] Цит. по: *Семенова С.Г.* Русский космизм // Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993. С. 8.

[30] *Горелов А.А.* Концепции современного естествознания. М., 1997. С. 45.

Леонтьевым аналогичный процесс трехстадиального развития бытия объективен и универсален.

Философские идеи К.Н. Леонтьева оказались настолько оригинальными, что он "независимо от диалектической традиции в философии открывает метод восхождения от абстрактного к конкретному"[31]; независимо от Аристотеля расширяет смысловую сущность понятия формы; "великий Стагирит, конечно, не думал: causa formalis (формальная причина) есть вместе и causa efficiens (действующая причина), т.е., что вид, обособление от остального, есть сила творящая в мироздании"[32]. Единство бытия в его разнообразии предполагает столкновение различных мировых сил, которые, взаимодействуя, определяют "цветение", полноту и динамику действительности. Поэтому "признак силы, по Леонтьеву, – не угроза агрессии, но возможность, условие... признак бытия всякого явления... без признака силы нет феномена красоты... сила собою, посредством себя эстетизирует жизнь, внутренне оберегая живое, неотделима от жизни-красоты, служа ей"[33]. Леонтьев независимо от Гегеля углубляет понимание "закона единства и борьбы противоположностей" ("закон разнообразия в единстве", по Леонтьеву), вводя положение об охранении этих противоположностей ("антитез развития"), поскольку процесс самосохранения противоположностей как необходимое условие бытия может быть нарушен человеческим сообществом в результате всесмешения и уравнивания национально-культурных, государственно-политических, сословных и религиозных различий, что может привести к унификации, сглаживанию морфологических особенностей развития культуры, общества и государства, а равным образом к тому, чтобы "окончить историю, погубив человечество; разлитием всемирного равенства и распространением всемирной свободы сделать жизнь человеческую на земном шаре уже совсем невозможной"[34].

Если современная наука, следуя за Гегелем, признает противоречие как "...корень всякого движения и жизненности"[35] и то, что процесс раздвоения единого на противоположности есть сущность развития, то, следуя за Леонтьевым, необходимо признать, что охранение противоположностей есть альфа и омега любого созидательного процесса, есть вневременное онтологическое начало любой системы в мире. Собственно диалектика как "философская концептуализация развития, понятого как в онтологическом, так и в логико-понятийном его измерениях, и... конституирующаяся в историко-философской традиции как в качестве теории, так и в качестве метода"[36] должна выражать не только диалектическое противоречие, отрицание, снятие, но и диалектическое охранение, объединяющее всю совокупность мировых процессов.

---

[31] *Корольков А.А.* Указ. соч. С. 63.

[32] *Розанов В.В.* Указ. соч. С. 121.

[33] *Глушкова Т.М.* "Боюсь, как бы история не оправдала меня..." // Леонтьев К.Н. Цветущая сложность: Избр. статьи. М., 1992. С. 40.

[34] *Леонтьев К.Н.* Избранное. С. 147.

[35] *Гегель Г.Ф.В.* Собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 5. С. 520.

[36] *Румянцева Т.Г.* Диалектика // Новейший философский словарь. Минск, 1998. С. 212.

На социокультурном уровне развития материи, как и на любом другом, жизненно необходимо охранение противоположностей, контрастов, антитез, дифференциаций и градаций различных культурно-исторических образований. Но весь парадокс бытия в том, что онтологические основы развития природы и онтологические основы развития общества и культуры по своему источнику однотипны и неустранимы, а на практике "в обществе бытие переходит от естественной, спонтанной формы существования биологической системы к иному типу функционирования и развития, который определяется тем, что общественные отношения не детерминированы биологически и потому не транслируются генетически"[37]. В свое время Генрих Риккерт главное различие в подходах к исследованию природы и культуры видел в том, что "природа – это бытие фактов, в которых запечатлены законы; культура – это бытие фактов, в которых запечатлены ценности"[38], и утверждал, что культура не сводима к природе. Это очевидно, но в смысле рассмотрения социокультурных процессов как изолированных, внутрисистемных. Однако если рассматривать культуру как подсистему в составе более сложной системы природы и мира в целом, что собственно и делал Леонтьев, то, на наш взгляд, не избежать раскрытия аналогий и взаимосвязей между социокультурными и природными процессами: "существуют объективные основы общественности..." и культуры, "глубоко заложенные в природе, в строе космической жизни"[39]. Рассмотрение природы, культуры и общества как взаимосвязанных и взаимообусловленных систем бытия характерно для современной науки и экологического сознания. Поэтому, если ранее сочетание в философии Леонтьева "религиозно-идеалистического и позитивистски-органицистского истолкования природных и общественных процессов"[40] и стремление "дать естественный (в духе Сен-Симона, Конта и Спенсера) анализ исторического развития"[41] оценивались негативно, как неистинное знание, то теперь, в эпоху плюрализма современного мышления, мы должны признать, что истины социокультурного бытия могут быть обнаружены с различных философских позиций.

Культура и общество, основанные на свободной, внебиологической связи, постоянно преодолевают противоречия собственного социокультурного бытия, посредством разрешения антиномизма между процессом системной организации и энтропийной дезорганизации (по Леонтьеву, между фазой "цветущей сложности" и "вторичного смесительного упрощения"). Однако следует заметить, что антиномия организации (космоса) и дезорганизации (хаоса) никогда не может быть преодолена в реальной эмпирии жизни, так же как невозможно преодолеть амбива-

---

[37] *Каган М.С.* Философия культуры. СПб., 1996. С. 37.

[38] *Зотов А.Ф.* Генрих Риккерт и неокантианское движение // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 11.

[39] *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М., 1990. С. 190.

[40] *Авдеева Л.Р.* К.Н. Леонтьев: пророк или "одинокий мыслитель" // Социально-политический журнал. 1992. № 8. С. 87.

[41] *Гайденко П.П.* Наперекор историческому процессу: К.Н. Леонтьев – литературный критик // Вопр. лит. 1974. № 5. С. 184.

лентность человеческого сознания, чувства и деятельности. Поэтому в социальном отношении попытки устранения онтологически укорененной амбивалентности структур и систем бытия, в смысле абсолютной реализации идей социальной гармонии, решения социального вопроса, примирения социальных антагонизмов и наступление всеобщего прогрессивного развития, а равным образом устранения противоречия, есть отрицание самой сути бытия, т.е. дихотомичности, полярности, антитетической напряженности и динамики. Противоречия между "дуальными" культурфилософскими оппозициями ("антитезами", по Леонтьеву) всегда выступают как "объяснительный принцип исторического процесса"[42], так как сама действительность инвариативно дихотомична и биполярна. Поэтому весь вопрос положительной онтологии истории и культуры есть вопрос о том, каким образом, сохраняя противоречие в качестве необходимого источника развития, избавить человеческое сообщество от негативизма и деструктивизма противоборствующих начал, т.е. каковы должны быть условия бытия, при которых их онтологически укорененная противоречивость даст возможность какому бы то ни было социокультурному явлению или процессу проходить трансцендентно предопределенный цикл пространственно-временного развития без деструкций разрушения. Или, говоря проще, возможно ли недеструктивное, т.е. необрывающее и неуничтожающее предопределенный цикл существования развитие социокультурных форм бытия при наличии противоположностей? Посмотрим, какой ответ мы находим на этот вопрос в историософии и культурфилософии Леонтьева.

Историософский аспект. Историософские взгляды К.Н. Леонтьева, наряду со взглядами Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П.А. Сорокина, исследователи относят к "круговорота исторического теориям", а культурфилософские, вместе с теми же представителями, к "культурно-исторической монадологии", выделяя "либеральное" направление (Тойнби, Сорокин) и "консервативно-романтическое" (Данилевский, Леонтьев, Шпенглер). Для последних было характерно обусловливать историческую и культурную реальность "витальным бессознательным субстратом человеческого бытия и прибегать к биологизирующему натурализму, который принципиально неприемлем для Тойнби и Сорокина, утверждающих отличие сферы культуросозидающей деятельности людей от природы"[43]. Данилевский, Леонтьев и Шпенглер полагали, что бытие общества и культуры детерминируется биологически и транслируется генетически, что структура общества и культуры трансцендентно задана человечеству, как задана она природе, что, в целом, носило характер религиозно-натуралистического фатализма (детерминация социокультурных процессов Провидением и природой). Тем не менее существенное отличие бытия природы от бытия общества и культуры они видели в том, что в социокультурном бытии может

---

[42] *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта: Социокультурный словарь. М., 1991. Т. 3. С. 97.

[43] *Губман Б.Л.* Культурно-историческая монадология // Культурология. XX век: Словарь. СПб., 1997. С. 233–234.

происходить деструктивное отклонение от природно-детерминированного цикла развития (сочетание свободы и необходимости), и их исследовательская задача сводилась к тому, чтобы, описывая "законы" социокультурного бытия, показать, что именно в реальной эмпирии жизни мешает природосообразующемуся циклическому развитию.

Так, Н.Я. Данилевский, одним из первых среди европейских мыслителей, "увидел опасность концепций линейного прогресса, подчеркнув гибельность для человечества господства какого-либо одного культурно-исторического типа. Ни одна цивилизация не может утверждать, что она представляет высшую точку истории, каждая вносит свои плоды, идет в своем направлении, и только в этом многообразии и осуществляется прогресс"[44]. "Если Н.Я. Данилевский основной исторический конфликт усматривал в столкновении богоизбранных и небогоизбранных народов", то "К.Н. Леонтьев этот конфликт видел в противоборстве двух начал бытия" (конструктивно-охранительного и деструктивного – "либерально-эгалитарного"), "которые могут воплощать в себе различные народы"[45]. О. Шпенглер в свою очередь основную деструкцию развития социокультурного мира усматривал в переходе культуры в цивилизацию и ложном истолковании развития истории: "Как только цель достигнута, и... вся полнота внутренних возможностей завершена и осуществлена вовне, культура внезапно коченеет, она отмирает... силы надламываются – она становится цивилизацией"[46]. "Образ всемирной истории, разъясняет Шпенглер, есть непроверенное духовное состояние... всемирная история – иллюзия, созданная рационализмом"[47].

Данилевский и Леонтьев, а затем Шпенглер видели свою главную философскую миссию в том, чтобы показать опасность исчезновения из социокультурного бытия "цветущей сложности" и многообразия культурных миров и указать на ошибки и заблуждения в подходах к осмыслению и практике исторического развития. Леонтьев, так же как Данилевский и Шпенглер, полагал, что общественное развитие, общественные изменения будут губительными, паразитирующими и разлагающими общественный и культурный организм до тех пор, пока они не станут соотноситься и согласовываться с неизменными, непреложными и необходимыми закономерностями развития природы, материи, космоса, т.е. с онтологической укорененностью и объективностью бытия как целостной системы. Прежде чем рассуждать об истории, необходимо выявить диалектическую связь между историческим бытием и природным; необходимо определить онтологические основы социально-исторического бытия и природно-космического и, исходя из этого, понять, на каких началах строить культуру, общество и государство.

Леонтьев во многих своих работах пытается определить: сохраняется ли онтологическое ядро (системная устойчивость бытия) при тех или иных социокультурных началах. Так, согласно Леонтьеву,

---

[44] *Мяленков Г.Я.* Данилевский Н.Я. // Новейший философский словарь. Минск, 1998. С. 195.
[45] *Бажов С.И.* Философия истории Н.Я. Данилевского. М., 1997. С. 139.
[46] *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1993. Т. 1. С. 264.
[47] *Гуревич П.С.* Культурология. М., 1996. С. 214–215.

такие начала, как демократическое, либеральное, эгалитарное суть антиисторические абстракции, онтологически выражающие процесс "вторичного смесительного упрощения" – последнюю, предсмертную фазу развития, ибо вполне очевидно, что "к старости и смерти воцаряется демократическое, эгалитарное и либеральное начало"[48]. Эти начала враждебны самой сути "цветущей", насыщенной жизни, они могут погубить культуру и общество. Онтологическую укорененность необходимо искать в других социокульных началах бытия, а именно: в различных традициях и верованиях, в сословной дифференциации общества, в сочетании антитез бедности и богатства, дворянской аристократии и буржуазного мещанства, в культурной иерархии качеств, т.е. в охранении "единства многообразия" неравных, разнополярных социокультурных форм.

Если мы обратимся к истории философской мысли, то увидим, что многие великие философы отрицали положительное значение реализации демократического, либерального и эгалитарного начал в реальной эмпирии современной им истории. Такое отрицание было характерно для Платона, Аристотеля, христианских философов, Карлейля, Бердяева и др. Н.А. Бердяев, во многом следуя за леонтьевской мыслью, наиболее убедительно показал онтологическую неукорененность и социальную деструктивность абсолютизации вышеназванных начал: "Тот, кто интересуется существом жизни, а не ее поверхностью, должен будет признать, что не аристократия, а демократия лишена онтологических основ, что именно демократия не имеет в себе ничего ноуменального и природа ее чисто феноменалистическая"; "...в самой реальной, подлинной действительности вопрос идет всегда о том, торжествует ли аристократия или охлократия"[49].

Леонтьев уже во второй половине XIX в. прямо заявил о торжестве в будущей истории "среднего человека" ("упростителя" и "смесителя"), о власти безумствующих масс и все разрушающих толп. Для "среднего человека... нет истории и священных ценностей, а существует только однообразное будущее, полностью отрицающее прошлое... историю ему заменяет опыт толпы, массы, в которой он живет, частью которой является и без которой он – ничто"[50]. Безумствующие массы хотят освободиться посредством своего либерально-демократического мятежа от тягот и лишений жизни, от боли и страданий, а в результате, пройдя через опыт разрушения традиционных ценностей культуры, общества и государства, получают еще большее рабство и притеснение. Леонтьев предупреждает: "Если бы идею личной свободы довести до всех крайних выводов, то она могла бы, через посредство крайней анархии, довести до крайне деспотического коммунизма, до юридического постоянного насилия всех над каждым"[51]; "коммунизм в своих буйных стремлениях к идеалу неподвижного равенства должен... привести... к новому

---

[48] *Леонтьев К.Н.* Избранное. С. 32.
[49] *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. С. 124–126.
[50] *Сивак А.Ф.* Константин Леонтьев. Л., 1991. С. 43–44.
[51] *Леонтьев К.Н.* Избранное. С. 30.

юридическому неравенству... к новым формам личного рабства или закрепощения..."[52]. Диалектические прозрения К. Леонтьева подтвердились всей последующей историей. Он верно раскрыл диалектику роковых переходов противоположных исторических сил: демократии – в охлократию, "коммунистических мятежей" – в деспотизм, "освободительной" социальной революции – в тоталитарную диктатуру, национально-освободительных движений – в космополитические, "социализма" – в "новый феодализм"[53].

Все эти исторические трансформации, если следовать логике Леонтьева, принеся неисчислимое количество человеческих трагедий, оказались возможны в результате неправильного понимания и толкования онтологических основ социально-исторического бытия, в результате эвдемонических и прогрессистских теоретических и эмпирических попыток осмысливать и реализовывать социальное бытие не на основе сочетания глубинных онтологических реалий жизни, а на основе устранения существенной части этих необходимых, самосохраняющих бытие основ. Так, согласно Леонтьеву, "боль", "страдание", "насилие", "борьба добра и зла" являются существенными признаками исторического бытия: "все болит у древа жизни... вывести насилие из исторической жизни – это то же, что претендовать выбросить один из основных цветов радуги из жизни космической..."[54]. "Чего бояться борьбы и зла?.. Нация та велика, в которой добро и зло велико. Дайте добру и злу свободно расширить крылья, дайте им простор... Не в том дело... чтобы отеческими заботами предупредить возможность всякого зла. А в том, чтобы усилить творчество добра... зло на просторе родит добро"[55]. Смысл исторического бытия, исторического развития, по Леонтьеву, не в том, чтобы положительно разрешать или устранять социокультурные противоречия, в смысле увеличения общественного утилитарно-эвдемонического процветания и блага, так как "с точки зрения умственной непозволительно мечтать о всеобщей правде на земле, о какой-то всеобщей мистической любви, никому ясно даже и непонятной, нельзя мечтать о равномерном благоденствии"[56], а в том, чтобы само решение этих противоречий не уничтожило красоту и "поэзию жизни". Разрешение национальных, социальных, культурных и государственно-политических противоречий в форме стремления к демократии и свободе представлялось философу как "насилие над естественным ходом истории"[57]. Леонтьев считает, что "необходимо отказаться полностью от либерально-эгалитарного понимания исторического опыта, заменить данное грубое и абсолютно ошибочное мировоззрение философией, соответствующей социальной действительности, которая, наконец, найдет в себе силы признаться, что все истинно великое и прочное в человеческой жизни и истории государства появляется никак не благодаря

---

[52] Там же. С. 155.
[53] Там же. С. 156.
[54] Цит. по: *Долгов К.М.* Указ. соч. С. 47.
[55] Там же. С. 58.
[56] *Леонтьев К.Н.* Избранное. С. 161.
[57] *Сивак А.Ф.* Указ. соч. С. 33.

повальным свободе и равенству, а исключительно – деспотическому, волевому соединению в единое целое разнообразных форм жизни: прекрасных и безобразных, богатых и бедных, добрых и злых, свободных и зависимых"[58]. Сущность разрешения всей совокупности социокультурных проблем заключается, по Леонтьеву, не в устранении многополярной противоречивости социокультурных взаимодействий, которые суть противоречия созидательные, а в устранении истребляющих противоречий, которые разрешаются в форме уравнения и всесмешения иерархии социокультурных процессов. Основная деструкция социокультурного бытия Леонтьеву виделась в истребляющем разрешении противоречий между культурой и цивилизацией, заключающаяся в движении культуры по пути либерально-эгалитарного прогресса. На основе критики этого прогресса он высказывает ряд оригинальных культурфилософских идей.

Культурфилософский аспект. Культура в философии К.Н. Леонтьева понимается как перманентная борьба "антитез развития" разнокачественных культурных форм. И чем выше накал борьбы "антитез" культуры, тем глубже раскрывается ее сущность. Если же борьба ослабевает, то культура превращается в "антикультуру" и в результате разрушается. Межкультурное соперничество, межкультурная и внутрикультурная борьба не деструктивны, деструктивен вторичный пласт культуры – ее антикультурная форма. Все национальные культуры не противоречат друг другу по своим сущностным характеристикам; уровень деструктивного культуроборства проявляется в антикультурных процессах "смешения" и "упрощения". Разрушают друг друга не культуры сами по себе, а антикультурные феномены, скрытые внутри этих культур. Структура собственно культуры, ее форма и функции априорно ориентированы на иерархию качественных состояний и созидание. Однако "процесс вторичного упростительного смешения" приводит культуру не только к гибели, но и к вражде и войне с другими культурами. Если Н.Я. Данилевский мыслил развитие истории как столкновение различных "культурно-исторических типов" и утверждал, что "...начала, лежащие в народе одного культурно-исторического типа... не могут быть заменены другими началами, составляющими принадлежность другого культурно-исторического типа, – иначе как с уничтожением самого народа..."[59], то у Леонтьева исторический процесс представлен как борьба общекультурных позитивных начал с "антикультурными" разрушительными началами, т.е. культуры и антикультуры.

Проблема взаимодействия различных культур была центральной для мыслителя. В то время, когда Данилевский говорил о вражде "романо-германского культурно-исторического типа" к "славянскому", Леонтьев раскрывал эту проблему глубже: не европейская культура наступает на Россию в лице "романо-германского культурно-исторического типа", а европейская антикультура "нарождающейся буржуазности, грозящая распадом вызревавших столетиями национальных куль-

---

[58] Там же. С. 41.

[59] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 98.

тур"[60], в которых уже "гуманность новоевропейская и гуманность христианская являются несовместимыми антитезами"[61]. Он отвергал современную ему "европейскую цивилизацию как поверхностно-унифицированную культуру"[62], т.е. "антикультуру", а принимал и ценил "сословную", "аристократическую", "монархическую" культурно-государственную форму европейских государств.

Очевидно, что рассмотрение Леонтьевым культурных процессов в форме исследования бинарной оппозиции культура/антикультура было доминантой его культурфилософской мысли. Эта культурфилософская оппозиция определялась онтологической оппозицией сложное бытие/упрощенное бытие. "В эстетической онтологии Леонтьева выделялись два рода бытия – бытие упрощенное, смешанное, бесконфликтное и бытие сложное, насыщенное противоречиями и конфликтами... В социально-историческом измерении этим началам соответствовали различные типы культур"[63], существование которых мыслилось философом лишь при условии их поляризации. Обратный процесс всекультурной ассимиляции представлялся мыслителю как наибольшее зло. Более всего он боялся, что "человечество легко может смешаться в один общий культурный тип"[64], так как "на трансцендентном уровне детерминируется только противостояние различных начал бытия"[65], а не их "всесмешение". В процессе развития возможен культурный выбор, в результате которого народы могут пойти по неверному пути "эгалитарно-либерального процесса", что, по Леонтьеву, есть понижение уровня культуры и направление к ее гибели.

Европейская действительность взорвала эстетизм Леонтьева. Он увидел, что Европа теряет духовность, многообразие и цветущую красоту былых эпох. Леонтьев внутренне почувствовал приближающуюся духовную катастрофу европейской культуры. Он не принял, как и А.Н. Герцен, ее мещанскую сущность. Картины современной жизни европейских народов подтолкнули философа на ужаснувшую его самого мысль: «Не ужасно ли и не обидно ли было бы думать, что Моисей всходил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели Пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арбеллами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтобы французский, или немецкий, или русский буржуа в безобразной комической своей одежде благодушествовал бы "индивидуально" и "коллективно" на развалинах всего этого прошлого величия?.. Стыдно было бы за человечество, если бы этот подлый идеал всеобщей

---

[60] *Корольков А.А.* Указ. соч. С. 74.
[61] *Леонтьев К.Н.* Собр. соч. М., 1912. Т. 8. С. 207.
[62] *Корольков А.А.* Указ. соч. С. 74.
[63] *Бажов С.И.* Учение о культурной самобытности в философской и общественной мысли России XIX–XX вв. // Философия и культура в России: методологические проблемы. М., 1992. С. 100.
[64] *Леонтьев К.Н.* Владимир Соловьев и эстетика жизни. С. 27.
[65] *Бажов С.И.* Философия истории Н.Я. Данилевского. С. 139.

пользы, мелочного труда и позорной прозы восторжествовал бы навеки!»[66].

Для Леонтьева важен исторический носитель идеи прекрасного. Если же такового не оказывается в той или иной исторической эпохе, или он слишком невзрачен, то это есть первый признак эстетического упадка, угасания культурной сложности. Одиозность есть основное качество культуры. А какая одиозность может быть в образе европейского буржуа XIX в.? Кругом безликое мещанство. Всемирное царство сытого и самодовольного мещанства везде и всюду. Мещанство нового времени победило "цветущую сложность" средневековой Европы. Аристократия, феодализм, рыцарство, священство, католичество, монархия – все ярчайшие проявления культуры отходят в небытие. Эстетический принцип "разнообразия в единстве" сменяется аэстетическим принципом однообразия. Идея цветущей культуры умирает. "Поэзия жизни" переходит в "поэзию" отражений. Все постепенно смешивается и "упрощается в идеале" Что же происходит? В чем же кроется причина перехода европейской культуры в упрощенное аэстетическое состояние постмодернизма, как сказали бы современные культурологи. Ответ Леонтьева однозначен: все зло смешения культурной полифонии нужно искать в теории и практике прогресса. Леонтьев практически во всех своих крупных работах поднимает эту тему и рассматривает ее в сравнении с темой культуры. Мир не знал еще феноменальных прозрений О. Шпенглера, а Леонтьев уже понимал роковой переход "культуры" в "цивилизацию". "Эгалитарно-либеральный процесс" есть, с его точки зрения, "процесс вторичного упростительного смешения", есть начало конца культуры. Точкой отсчета в определении начала культурного упадка, угасания культуры для Леонтьева служит вторая половина XVIII в. Именно с этого времени, по мнению мыслителя, начинается выцветание "сложности", "сглаживание морфологических резких контуров", "религиозные антитезы слабеют, области и целые страны становятся сходнее, сословия падают, разнообразия положений, воспитания и характеров бледнеют... требуется равенство всякое, полное, экономическое, умственное, половое..."[67] и причиной всему этому служит неправильное понимание и использование достижений прогресса.

А что же такое прогресс, в чем его истинный смысл и назначение? Леонтьев одним из первых мыслителей в социальной истории XIX в. выводит прогресс из естественноприродного состояния социума и космоса. Прогресс, с точки зрения Леонтьева, есть природно детерминированное разнообразие, т.е. неравенство бытия. Только там, где неравенство, контраст, разнообразие удерживается целостность явления – только там есть прогресс. "Стремление к равенству, к смешению, к однообразию – враждебно жизни и безбожно"[68]. Любое историческое явление прогрессивно лишь тогда, когда оно ярчайшим образом отделяется, "обособляется" от сходных с ним явлений. В общем виде Леон-

---

[66] Цит. по: *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. С. 76.
[67] *Леонтьев К.Н.* Избранное. С. 93–94.
[68] *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. С. 86–87.

тьев признает идею прогресса, но как силу, удерживающую самобытность явления, организующую ее. Если же общественный прогресс приобретает эгалитарно-либеральное направление, то Леонтьев выступает решительным противником такого прогресса. Общественный прогресс и научно-технический связаны между собой. Если «достижение утилитарных целей человеческой деятельности неизбежно сопровождается грубым вмешательством в природу и ведет к "извращению всего естественного на земном шаре", нарушению гармонии, разладу единой системы и "порче" ее элементов», что в социальном плане в результате опасного "соединения гуманизма XIX века и новейшего позитивизма" приводит к "отрицанию всех ценностей, кроме человеческого блага"[69].

Леонтьев, без сомнения, предвосхитил будущие прозрения Шпенглера, Тойнби, Сорокина, которые тоже подчеркивали, что понятие прогресса имеет не абсолютное, а относительное значение. Оно неприменимо ко многим процессам, протекающим в социальной и природной формах материи, которые имеют повторяющийся, циклический характер. "Ведь *впервые* именно К.Н. Леонтьев, – замечает современный исследователь его творчества, – настойчиво обосновывал мысль о цикличности развития государств, народностей, культур, о цикличности, подобной фазам онтогенеза, где есть эмбриональный период, рождение, рост и расцвет всех потенций, но есть также угасание и смерть. Причем он привел немалый историко-культурный материал в подтверждение своей идеи об исторически ограниченном возрасте культур, народностей и государств, о своеобразной их предельной продолжительности жизни, раньше которой могут погибнуть культуры, но никому не дано шагнуть за границы естественной продолжительности жизни"[70].

Леонтьев очень оригинально противопоставляет идею прогресса идее развития: "Между эгалитарно-либеральным поступательным движением и идеей развития нет ничего логически родственного, даже более: эгалитарно-либеральный процесс есть антитеза процессу развития. При последнем внутренняя идея держит крепко общественный материал в своих организующих, деспотических объятиях и ограничивает его разбегающиеся, расторгающиеся стремления. Прогресс же, борющийся против всякого деспотизма, – сословий, монастырей, даже богатства и есть не что иное, как процесс вторичного упрощения целого и смешения составных частей..."[71]. Смысл, значение прогресса Леонтьеву представляется как формальное средство для раскрытия внутренней сущности явления, но не как внутренний смысл процесса развития.

Здесь следует отметить, что, по Леонтьеву, у человеческого сообщества, так или иначе, но должен наступить период самоосознания вредоносности прогресса, и в частности технического, что общество наконец-то выступит "...против машин и вообще против всего этого физико-химического, умственного разврата, против этой страсти ору-

---

[69] *Дробжева Г.М.* Проблема социокультурного идеала в социально-философских воззрениях К.Н. Леонтьева: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1995. С. 25.

[70] *Корольков А.А.* Указ. соч. С. 27.

[71] Цит. по: *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. С. 82–83.

диями мира неорганического убить везде органическую жизнь, металлами, газами и основными силами природы разрушать растительное разнообразие, животный мир и само общество человеческое..."[72]. Что это, как не постановка экологической проблемы? В XIX в. в среде европейских мыслителей никто так остро не ставил, с одной стороны, проблему необходимости гармонии человека и природы, а с другой – проблему отчуждения человека от природной среды обитания. В настоящее время взгляды Леонтьева о соотношении и взаимодействии общества и цивилизации приобретают особый смысл и имеют пророческое значение, так как проблема экологического выживания человечества сегодня есть главнейшая проблема будущей жизни всемирного социума.

Выступив как критик основ прогресса, Леонтьев пришел к убеждению, что только исторически традиционная, преемственная организация человеческого сообщества, основанная на дисциплине, иерархичности, полярности социальных антитез, не позволит техническому прогрессу разлагать и паразитировать общество. Исходя из наличия губительного противоречия в развитии технического и социального прогресса и видя упадок новоевропейской культуры, Леонтьев построил охранительную социально-политическую философию.

Социально-политический и национально-государственный аспекты. В основе социально-политических взглядов К.Н. Леонтьева лежит идея национальной самодостаточности. Национальное начало, связанное с принципами верований и вековых преданий, плюс традиционная государственность образуют особый мир самобытной культуры. Чтобы этот культурный мир не распался от внутренних или внешних влияний, нужна прочная организация всего строя и уклада жизни. А "организация... есть не что иное, как хронический деспотизм, всеми, более или менее, волей и неволей, по любви и из страха, из выгод или из самоотвержения признаваемый и терпимый, в высшей степени неравномерный и разнообразный деспотизм; постоянная и привычная принудительность всего строя жизни, а не преходящие и неверные принуждения одной только администрации"[73].

С точки зрения Леонтьева, разрушение исторического принципа социальной организации по национальному признаку началось с конца XVIII в. Причем "чисто национальное начало", освободившись от "религиозных уз", "дает плоды вовсе не национальные, а, напротив того, в высшей степени космополитические или, точнее, революционные". Здесь мыслитель, безусловно, прав, так как действительно, с XVII в. в Европе шел процесс складывания национальных государств на основе расширения национально-государственного самосознания европейских народов, но начиная с французской революции 1789 г. этот процесс стал трансформироваться в сторону складывания общеевропейского либерально-демократического, эгалитарного сознания. "Люди, освобождающие или объединяющие своих одноплеменников в XIX в., хотят

---

[72] *Леонтьев К.Н.* Собр. соч. Т. 6. С. 20.

[73] *Леонтьев К.Н.* Записки отшельника. М., 1992. С. 42.

чего-то национального, но достигая своей политической цели, они производят лишь космополитическое, т.е. нечто такое, что стирает все более и более национализм бытовой или культурный и смешивает все более и более этих освобожденных или свободно объединенных одноплеменников с другими племенами и нациями в общем типе прогрессивно-европейского мещанства. Космополитический демократизм и национализм – это лишь два оттенка одного и того же цвета"[74].

Леонтьев предвидел, что новоевропейский космополитизм, либерализм и демократизм неизбежно приведут к социализму. А социализм явит собой еще более антигуманное общество по сравнению с бывшими. "Эмансипационный процесс везде разрушителен ибо он, по существу своему, враждебен государственной, церковной и сословной дисциплине; и если человечество еще не утратило способности организовываться, если оно еще не осуждено на медленное вымирание и самоуничтожение (посредством всех мощных орудий того, что зовут ныне прогресс), то для дальнейшего, более прочного, менее подвижного своего устройства оно вынуждено будет прийти к новым формам юридического неравенства, к новому и сознательному поклонению хроническому, так сказать, деспотизму новых отношений"[75]. Безусловно, мыслитель глубоко проник в диалектику социально-политической истории и многое правильно предсказал. Примечательно, что еще эмпирического явления социализма не было, а Леонтьев уже видел его последние выводы. "Социализм теперь, видимо, неотвратим, по крайней мере, для некоторой части человечества. Но, не говоря уже о том, сколько страданий и обид его воцарение может причинить побежденным, сами победители, как бы прочно и хорошо не устроились, очень скоро поймут, что им далеко до благоденствия и покоя"[76]. Мысль Леонтьева относительно будущего социализма глубока и поучительна именно потому, что надежда европейских философов на обретение человечеством социального счастья и благоденствия посредством либерально-демократической, гуманной организации общества не оправдалась, так как новейший социализм, явивший собой последний умственный вывод европейской мысли, привел не к торжеству социальной справедливости и гармонии, а к невиданным формам социальной идолатрии и деспотии.

Западноевропейскому пониманию теории и практики исторического прогресса как все увеличивающейся степени либерализации и демократизации Леонтьев противопоставил свое ви́дение прогресса как развития и укрепления самобытных национально-государственных основ. По его мнению, "тот народ наилучшим образом служит всемирной цивилизации, который свое национальное доводит до высших пределов развития, ибо одними и теми же идеями, как бы ни казались они современникам хорошими и спасительными, человечество жить не может"[77]. Леонтьев остается верен Данилевскому: самобытные начала одного

---

[74] Там же. С. 242.
[75] Там же. С. 235–236.
[76] Цит. по: *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. С. 94.
[77] *Леонтьев К.Н.* Собр. соч. М., 1912. Т. 7. С. 42–43.

культурно-исторического типа не передаются другому. Сама попытка интерполяции национально-самобытного в другую культуру несет, по мысли философа, его разрушение.

Национальная государственность есть формообразующий принцип социального бытия, суть которого в сохранении своей внешней формы посредством "деспотизма внутренней идеи". Развитие нации, так же как и государства, проходит три стадии. Однако нация, с точки зрения философа, может намного дольше жить по времени, чем государство. Разрушение государственной формы еще не означает ухода с исторической арены нации, которая, как правило, продолжает существовать далее.

Казалось бы, за основную социально-историческую категорию в философии Леонтьева следует признать нацию, так как время ее бытия не подлежит строгому определению. Но философ утверждает, что без формально-государственной организационной силы нация исторически не сможет проявить свое своеобразие в мире. Если не будет у нации строгой, жесткой государственной формы, то она обречена на поглощение, на уничтожение другими нациями, имеющими такую форму. Чем "деспотичнее" у той или иной нации была государственная форма, тем большее историческое время существовала эта нация, тем длиннее была ее фаза "цветущей сложности".

Перелом в историческом развитии общества совершается, по мысли Леонтьева, с началом превращения идеи национализма в идею космополитизма, т.е. аберрация, подмена цели национальной целью космополитической: "Движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации"[78]. Леонтьев ставит весьма сложный вопрос – как могло произойти то, что чисто национальные движения приводят часто к космополитическим результатам. Он объясняет это разрушением национально-культурных мифов, "верований", "преданий", являющихся основанием своеобразия народа. Такая подмена связана со смешением содержания идей. Так, например, "демократическая идея... прикидывается... идеей национальной; идея политическая воображает себя культурной"[79]. Все это, по мысли Леонтьева, есть коллективное заблуждение человеческого ума, которое в первую очередь связано с "социальной психологией". Примечательно, что социальная психология как отрасль психологии, изучающая законы поведения и деятельности людей, появляется только в начале XX в., а Леонтьев уже в 1880 г. говорит, что такая "отдельная наука" должна быть. Мало того, он предвосхитил идеи К.Г. Юнга о "коллективном бессознательном".

Развитие национальной культуры, так же как развитие всех проявлений бытия, подчинено "закону триединства". Чем разностороннее, сложнее, индивидуальнее национально-культурные образования, тем выше "цветение" мировой культуры, тем ярче ее проявления. Чтобы национальная культура состоялась, совершилась как исторический акт,

---

[78] *Леонтьев К.Н.* Избранное. С. 309.
[79] Там же. С. 326.

необходимы два условия, два начала – это жесткая государственная форма и национальное своеобразие. Особенностью бытия культуры является то, что она самодостаточна. Для "цветения" национальной культуры необязательна внешняя борьба с другими культурами. Но внутренний процесс борьбы антитез в самом теле самобытной культуры необходим. Он дает культуре жизненную силу существования. Однако на национальное своеобразие культур оказывает деструктивное воздействие "эгалитарно-либеральный процесс", который разрушает универсальный принцип бытия культур как "единства в многообразии".

Чтобы национальные культуры не исчезли окончательно, чтобы они не перестали быть первоосновой и целью человеческого бытия, чтобы не исчезла национальная самобытность и затем государство и, далее, возможно, и все человечество, необходимо совершать два спасительных действия. Первое: везде, где происходит изменение государственной формы в сторону "эгалитарно-либеральной демократизации", в сторону увеличения политических свобод, там нужно "подморозить", законсервировать этот процесс, посредством охранительных, государственно-силовых, принудительных мер. Второе: чтобы укрепить государство, нацию, культуру нужно обратиться к "мистическим началам", к "преданиям и верованиям народов", необходимо отвратить общество от увлечения цивилизацией и свободой, обратив его сознание в мистическое созерцание и религиозное постижение условий мира. Вот что пишет Леонтьев по этим вопросам: "Нельзя строить политические здания ни на текучей воде вещественных интересов, ни на зыбком песке каких-нибудь чувственных и глупых либеральностей... Эти здания держатся прочно лишь на отвлеченных принципах верований и вековых преданий"[80]. Соответственно, российское государство, русская культура должны строиться и развиваться на основе традиционно народных и государственных начал. Так, для России исконные начала – это "византизм", "православие", "сословность", самодержавная государственность. Новоевропейские, западные начала – это "либерализм", "демократия", "буржуазность", "социализм", "республика". Чтобы спасти Россию от экспансии западной цивилизации, ее надо оградить, уберечь посредством усиления организационно-охранительных методов как в государственной, так и в общественной жизни.

Леонтьев предложил собственную охранительную концепцию русской культуры, которая расходилась как с консервативными проектами защиты отечественной культуры, например с доктриной обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, так и с либерально-славянофильскими теориями. Главное отличие охранительной концепции культуры Леонтьева от консервативной состояло в том, что при первой предполагался внутренний рост содержания культуры без изменения ее формообразующих принципов, а при последней – внутренний рост культуры исключался. От либерально-славянофильских культурконцепций леонтьевская отличалась тем, что славянофилы допускали возможность либеральных реформ и развития России по буржуазному пути, при со-

[80] *Леонтьев К.Н.* Записки отшельника. С. 205.

хранении культурного своеобразия, а Леонтьев видел в обуржуазивании России уничтожение ее культуры и писал о том, что даже без войны "Россия может погибнуть... путем добровольного слияния с общеевропейской республиканской федерацией"[81].

Главное пророчество Леонтьева о будущей судьбе страны состояло в том, что для России как "для особого мира, не нашедшего еще себе своеобразного стиля культурной государственности", неприемлема буржуазно-демократическая форма власти, так же как неприемлема социалистическая республика. Раскрывая диалектику отношений государственно-политической формы власти и культурно-исторического содержания, Леонтьев пришел к выводу, что для "византийско-русского" типа культуры единственно возможной формой власти может быть только монархия, ибо все другие формы власти неизбежно приведут к разрушению и устранению русской культуры.

Леонтьев пророчествовал, что "гидра коммунистического мятежа на Западе" затронет и Россию, что социализм есть не что иное, как "новый феодализм", что коммунизм приведет к "новому юридическому неравенству", к "новым формам личного рабства". Леонтьев, в сущности, предвидел русскую революцию, говоря о том, что аскетическое православие своими религиозно-коммунистическими идеалами подготовило почву для европейского коммунизма. Более того, он предвидел итог русской революции – тоталитарное государство. Но тем не менее Леонтьев верил в то, что русская культура устоит от натиска "либерально-эгалитарного", "утилитарного прогресса Запада", что в "России будет пламенный поворот к Православию... потому, что у русских болит душа..."[82].

В конце своей жизни Леонтьев особенно обостренно переживает эсхатологические настроения. Мотивы конца истории отчетливо выражены в последних его произведениях. Леонтьев полагал, что современный ему демократический процесс, пытающийся реализовать идею всеобщего счастья, есть антихристианское движение, которое направлено на приближение конца человеческой истории. "Не полное и повсеместное торжество любви и всеобщей правды на этой земле обещал нам Христос и его апостолы, а, напротив того, нечто вроде кажущейся неудачи евангельской проповеди на земном шаре, ибо близость конца должна совпасть с последними попытками сделать всех хорошими христианами"[83]. Он не верит в духовную силу человека, способную осуществить Царство Божие в мире. Он не верит в возможность единства Богочеловечества на земле, о чем писал Вл.С. Соловьев. Леонтьев бежит от "греховного человека" и мира зла в Оптину пустынь и принимает монашеский постриг.

В стремлении к равенству, которое охватывает весь мир, он увидел "дух антихриста", "дух небытия". Леонтьев одним из первых среди ев-

---

[81] *Леонтьев К.Н.* Избранное. С. 260.

[82] *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 37.

[83] *Леонтьев К.Н.* О всемирной любви // Русская идея. М., 1992. С. 152.

ропейских мыслителей ставит вопрос о вероятности полного исчезновения культурного творчества человечества; он предвидит всепоглощающую и всеподчиняющую сущность грядущей эпохи цивилизации. Почувствовав гибель традиционной культуры, он всю свою жизнь занимался только тем, что пытался приостановить процесс мирового разрушения культуры путем его осознания и публичного осуждения.

В философской мысли К.Н. Леонтьева есть потаенный, скрытый смысл, есть последний сокровенный вывод, который, быть может, не осознавался самим мыслителем. Дело в том, что Леонтьев всем своим творческим гением доказывает, что познание всеобщих законов космического бытия и становления человечества по этим законам создаст возможность беспрерывности воспроизводства человеческой жизни. Леонтьев признавал сущность физической смерти индивидуального человеческого "я" как должное, но более всего его ужасала вероятность смерти всеобщего социокультурного мира. Падение качеств мировой культуры он связывал с началом физического конца мирового социального организма. Но процесс раскультуривания мира есть, с точки зрения мыслителя, не фатальная обреченность, а излечимая социальная болезнь, которую возможно и должно вылечить рядом "живоносных средств". Размышляя над проблемами воссоздания качественной сложности культуры, философ пришел к отрицанию общемирового эгалитарно-либерального процесса развития и выдвинул в противовес этому охранительную концепцию культуры и консервативную социологию, которые были направлены в первую очередь против линейно-прогрессистских схем истории и культуры, и против концепций социального эвдемонизма.

Итак, в заключении, следует сказать, что диалектика охранения заключена в стремлении сохранить все формы жизни, продлить их "цветение". Однако есть опасность перехода созидательно-охранительных начал в разрушительные консервативно-деспотические и тоталитарные. Деспотия, тоталитаризм может быть как обратной стороной демократии, так и обратной стороной охранительства, консерватизма. Но истина социального бытия состоит в том, что методы охранения, диалектика охранения необходима и для демократий, и для монархий, и для деспотий. Охранение необходимо для всех известных истории государственно-политических форм бытия социума. Нельзя что-либо строить не охраняя и сохраняя. Бытие государственной, национальной и культурной жизни априорно охранительно. Самая либерально-рациональная демократия никогда не может существовать без системы охранения. И чем выше развитие демократических начал, тем выше степень их охранения. Свобода при мирном развитии государства предполагает увеличение степени охранения. Ошибочно думать, что либерализм и демократия понижают охранительство личности. Личность при развитой демократии охраняется не только от посягательства других личностей, но и от посягательства государства на ее права. Этого Леонтьев предположить не мог. Он думал, что свобода и демократия, уничтожая градуированность охранения и уравнивая качества личностных начал, уничтожают тем самым эстетику культуры.

Но диалектика развития культуры, общества и государства предполагает обратный процесс, когда при формальном социально-политическом господстве казалось бы "упростительных" и "смесительных" онтологических начал демократии, либерализма, эвдемонизма происходит не разложение, а усиление организационно-охранительных структур. Демократия и либерализм парадоксальным образом могут повышать степень охранения, принуждения к исполнению самовластной воли государственно-иерархизированной, корпоративной, строго дифференцированной и стратифицированной демократии. Это происходит потому, что система охранения постоянно воспроизводится в обществе и культуре, она неуничтожима в принципе, поэтому наступает новый цикл усложнения и "цветения" культуры. На языке современной науки, это объясняется "законом сохранения энергии", в результате действия которого происходит "самоорганизация системы... за счет чего достигается баланс между сохранением информационного единства и возможностью изменяться в ответ на изменение среды"[84]. Ведь сегодня никто не может со всей определенностью утверждать, что западные демократии безвозвратно погубили охранительно-организационную суть своих государств и что на Западе иссяк источник культурного творчества. Нет, истинная демократия, защищая личность, защищает и культуру.

Однако К.Н. Леонтьев, безусловно, прав в том, что отрицание исторических ценностей культуры, разрыв с историческим бытием на волне демократических, либерально-эмансипационных процессов приведет к уничтожению культурных основ XIX в. Необходимо признать, что любое отрицание исторически укорененных реальностей на практике приводит к уничтожению культуры. Так, в России либерально-демократическое, а затем социалистическое отрицание ценностей традиционной культуры вылилось в уничтожение религиозной, дворянской, крестьянской и др. основ культуры. Нравственной и интеллектуальной вины Леонтьева как философа и политического мыслителя в этом нет, ибо он никогда не отрицал никаких традиционных ценностей отечественной культуры и не строил революционных проектов усовершенствования культуры, общества и государства (проект создания "византийско-славянской цивилизации" мыслился им как контрмера против европейского революционного процесса). Эту вину нужно искать в утопии "вселенской церкви" Вл.С. Соловьева, в "религиозном сектанстве" Л.Н. Толстого, в "анархическом бунтарстве" М.А. Бакунина, в утопии "всемирной гармонии" Ф.М. Достоевского, в "мистическом революционаризме" Н.А. Бердяева, т.е. в том, эмпирическая реализация чего возможна только посредством устранения тех или иных культуроохраняющих и культуросозидающих основ.

Зачем пытаться улучшить здание культуры, допуская возможность того, что она в самый последний момент улучшения может рухнуть безвозвратно? Культура не улучшаема революционным путем – путем от-

[84] *Логинов А.В.* Основное положение историософии К.Н. Леонтьева // Современные проблемы гуманитарных дисциплин. Кемерово, 1996. Вып. 1. С. 119.

рицания и разрыва с историческим бытием. Культура возможна лишь как компромисс между традиционными и нетрадиционными ценностями. Леонтьев такого компромисса не нашел, но он и не создал никакой революционной утопии. Тем не менее, ему удалось, более чем кому бы то ни было из мыслителей своего времени, приблизиться к постижению глубинных тайн бытия культуры.

Деятелей религиозно-философского ренессанса в России более всего в творчестве Леонтьева смутило, на наш взгляд, не столько "противоестественное слияние язычества и христианства"[85] и даже не то, что "оторванная от бога красота стала у него еще и высшим моральным авторитетом"[86], а сколько бессознательное, интуитивное понимание правоты Леонтьева о диалектической безысходности процесса развития культуры, общества и государства по пути гибели и исчезновения в небытие. Человеческое сознание, видимо, устроено так, что оно воспринимает каждый акт культурного бытия как бытия для вечности. Человек не может примириться с неизбежностью собственной смерти и ведет себя так как будто он будет жить вечно, но более всего его ужасает даже не собственное исчезновение в небытие, а исчезновение человечества в целом. Леонтьев же всем своим творчеством утверждает одну единственную достоверную мысль: "Верно только одно... одно только несомненно, – это то, что все здешнее должно погибнуть! И потому на что эта лихорадочная забота о земном благе грядущих поколений?... И потому терпите и заботьтесь практически лишь о ближайших делах, а сердечно – лишь о ближних людях: именно о ближних, а не о всем человечестве. Вот та пессимистическая философия, которая должна рано или поздно, и, вероятно, после целого ряда разочарований, лечь в основание будущей науки"[87]. Примириться и жить с этим человеческое сознание не в силах, как не могли примириться с указанной будущностью философии и науки деятели русского религиозного сознания, а в след за ними и другие исследователи творчества Леонтьева.

Относительно раскрытого К.Н. Леонтьевым понимания культуры как столкновения антитез следует заметить, что онтологический источник бытия культуры действительно состоит в антитетической напряженности и динамике. Но собственно культура есть перевод уничтожающих друг друга противоположностей и истребляющих противоречий в противоположности и противоречия созидательные, рождающие и творящие новое, небывшее. В этом смысле культура всегда имеет не абсолютное, а относительное значение. Культура не может быть со знаком "плюс" и со знаком "минус", она всегда есть компромиссное сочетание и позитивное разрешение в форме временного устранения или снятия борьбы противоположностей, устремленных к абсолютной победе.

---

[85] *Лиллевяли Н.В.* К.Н. Леонтьев и русский религиозный ренессанс // Из истории религиозной философии в России XIX – XX вв. М., 1990. С. 73.

[86] Там же. С. 77.

[87] *Леонтьев К.Н.* О всемирной любви. С. 156.

Также следует отметить другое противоречие социокультурного бытия: все формы политической власти парадоксальным образом не затрагивают глубинных основ человеческой личности, человеческого существования. Никто не может, говоря словами Леонтьева, с большой достоверностью утверждать, что реальный человек именно при этой форме политической власти будет безмерно счастлив, что его бытие будет наполнено умиротворенностью, творчеством, созиданием и благоденствием. «Надежды на "переделку обществ, т.е. на некоторую степень принудительности исправления" под давлением обстоятельств, закона, судов, новых экономических условий, когда "сердца поневоле привыкнут к добру", а зла невозможно будет делать, он считал неэстетичными прежде всего в силу их необоснованности и "нереальности". Их осуществление привело бы, по его мнению, к негармоничному, однородному состоянию "всеблаженного человечества", что противоречит основному закону жизни: "Если видимое разнообразие жизни (т.е. ее эстетика) суть признаки внутренней жизнеспособности человечества, то уменьшение их должно быть признаком устарения человечества и его близкой смерти (на земле)"[88]. Бытие человека нельзя улучшить совершенной организацией политических форм власти. При любой системе власти всегда есть место для переживания чувств одиночества, заброшенности, покинутости, враждебности мира и личной безысходности. Не правы те, кто видит разгадку человеческого бытия в возможно более правильной организации государственной и социальной жизни. Эта разгадка скрыта в глубинах человеческого духа, в его свободе, вере, религиозных переживаниях, в соотнесении человеком самого себя с вселенским, трансцендентным, мировым, космическим. Совершенно прав Леонтьев, когда говорит, что "...источник жизни струится из мрака"[89]. Исток человеческого бытия в своей основе имеет мистические, сакральные начала. "Источник жизни" лежит на недосягаемой для человеческого сознания онтологической глубине. "Полнота человеческого бытия трактуется в мировой философии по-разному. Однако при всех различиях оно оценивается как особая реальность, таинственная, непостижимая... Бытие человека – эта некая основа его как живого создания. Оно не ухватывается рациональными формами сознания, но вместе с тем выражает глубинные реальности человеческого существования"[90].

Бытие человека нельзя до конца выразить в правовых, социальных, политических, экономических и иных эмпирических категориях. Полнота человеческого бытия выразима лишь в категориях трансцендентности, "благоговения", "боговдохновенности", уникальности, неповторимости, "цветущей сложности" и других. Если бы тысячелетнее человечество не вырабатывало бы эти спасительные абсолюты, то история могла бы и не состояться. Свой вклад в сокровищницу категорий бытия человека внес и К.Н. Леонтьев своей идеей о трансцендентно предопре-

---

[88] *Дробжева Г.М.* Указ. соч. С. 82.
[89] Цит. по: *Долгов К.М.* Указ. соч. С. 88.
[90] *Гуревич П.С.* Философская антропология. М., 1997. С. 178.

деленной системе охранения "триединства процесса развития", которое позволяет социокультурным явлениям достигать высшей степени эстетичности осложненной формы – "цветущей сложности".

Диалектика охранения действует на всех уровнях бытия, она внедрена в природу и историю. Природная и историческая действительность есть огромная иерархия охранительных и ограничительных (табуированных) систем. Многие противоречия бытия могут быть обнаружены и разрешены с позиций охранения. Истинное, подлинное охранение не позволяет осуществляемому противоречию истреблять онтологические источники и основы бытия. Охранение имеет не только рациональный смысл. Охранение есть категория религиозная, мистическая, иррациональная. Охранение трансцендентно судьбе истории. "В истинном сохранении и охранении должна быть преображающая энергия"[91]. Охранение есть вселенский, космический замысел, который всегда осуществляется в реальной эмпирии жизни. Охранение также есть внутренняя логика развития истории и культуры. Охранение предполагает диалектическое единство эстетики, морали, религии, философии и культуры в целом. Поэтому с философско-диалектических позиций охранения Константину Леонтьеву дано было пророчески предвидеть будущее судеб культуры, общества и государства и многое верно предсказать.

---

[91] *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. С. 114.